

Сцена

программа передач с 23 августа по 1 сентября

Дерк Богард: *Сцена - TV. - с. 110. - 1996. - 23 авг. - с. 1*

“Удовольствие им доставила не игра - мундир”

ДВА режиссера повлияли на кинокарьеру английской звезды Дерка Богарда. Роль ретивого камердинера в фильме Джозефа Лоузи “Слуга” (1963) сделала 42-летнего театрального актера знаменитым. А через несколько лет он был приглашен на службу к самому Лукино Висконти, которого Богард назвал “императором нашей профессии”. После премьеры “Гибели богов” (вы увидите эту картину в субботу на НТВ) мастер сказал “слуге”: “Я наблюдал за тобой в первый день съемок. Ты сделал шесть дублей, и все разные. Без слов, сама душа. Я видел. И понял, что нашел своего актера”. Речь шла о центральном эпизоде фильма - акции “Ночь длинных ножей”.

“ГИБЕЛЬ богов” - это история аристократического семейства в Германии эпохи прихода нацистов к власти. Фридрих Брукман (Дерк Богард) входит в дом Эссенбеков как любовник Софи - матери наследника стального концерна. Убив деда “семьи богов”, Фридрих становится президентом компании, но не обретает в себе Наполеона. И после убийства в одиночку этот человек в черном кожаном пальто оказался среди воинов СС, которые приехали на черных машинах, чтобы покончить с волюнцией штурмовиков СА.

Ночную сцену снимали в полдень. Дерк Богард должен был открыть дверь и, увидя в постели развратного Константина с мальчиком, выпустить в них автоматную очередь. Актер целился в юного любовника, который был означен блюдом для фрук-

тов с помеченным мелом крестиком. Он повторял эту двенадцатиминутную сцену несколько раз: сначала с улыбкой, потом нервозно, безжалостно и, наконец, со слезами сожаления... Стихия разрушительных страстей снималась в атмосфере абсолютной тишины. Висконти императорски восседал в кресле. Все команды тихим голосом отдавались ассистенту, который передавал их актерам и массовке. Постепенно между Богардом и Висконти установился род отношений, который актер назвал теплелатической связью.

После “Гибели богов” он получил от Висконти императорский подарок - главную роль композитора Ашенбаха в ленте “Смерть в Венеции” по роману Томаса Манна. Все движения Густава фон Ашенбаха режиссер подчинил музыке Густава

Малера - человека, в котором, по его замыслу, воплотилась душа персонажа Богарда. Хотя эту роль Дерк считал высшей точкой своего актерского мастерства, он признавался, что “фильм заряжен такой завораживающей силой, что собственное участие в нем казалось фактом ничтожным”.

В Венеции старый композитор влюбляется в тринадцатилетнего мальчика, в котором увидел совершенную красоту, - и должен уехать, чтобы умереть. Больше ничего ему в жизни не остается. Готовясь к съемкам, пять месяцев актер провел в одиночестве на острове Лидо в маленькой купальне, нежно оберегая душу Ашенбаха, поселившуюся в нем.

Финальную сцену смерти Богард сравнил с электрическим стулом. Лицо Дерка покрыли специальным кремом, который должен был создать смертную маску. Эксперимент гримера удался: маска растрескалась, губная помада клубничного цвета слиняла, слезы потекли сквозь трещинки. Висконти был в восторге. После съемок актер случайно увидел обрывок этикетки “волшебного” тубика и узнал, что стал жертвой пятно-выводителя. Надпись предуп-

реждала: “Огнеопасно. Не допускать попадания в глаза и на кожу...”

На площадке Висконти работал с Богардом в полном молчании, почти не снимая дублей. Однажды актер не выдержал и попросил мастера обсудить роль. Режиссер смуро осведомился, сколько раз он прочел книгу. Когда Богард ответил, что не меньше тридцати, он посоветовал прочесть еще тридцать, и на этом дело закончилось. “Лукино Висконти стал моим Платоном или Сократом...”, хотя и облил бы меня презрением, скажи я об этом ему”.

Этот фильм о судьбах искусства, о классической красоте, не подвластной современному художнику, создавался любовно и трепетно. Но американские “денежные мешки - заказчики музыки” - огласили убийственный приговор: “Фильмец про старикашку, который пасет задницу какого-то пацана”. В 1971 году на Каннском фестивале Богард стал камнем преткновения для двух своих друзей и повелителей: “Смерть в Венеции” соперничала с “Посредником” Джозефа Лоузи (“крестного отца” Дерка). “Золотую пальмовую ветвь” присудили Лоузи, но зал был не согласен с мнением жюри. Когда победитель поднялся на сцену, его освистали не меньше, чем приветствовали. Зато Висконти, получившему специальный приз, зрители аплодировали стоя. Однако после роли Ашенбаха в глазах многих профессионалов Богард оконча-

лился у Дерка в подвале. Но как-то раз актер случайно увидел по телевизору “Галилео” Кавани. Его околдовало изображение, и он решил перечитать “Ночного портье” - сценарий “толстый, как Библия, в чудовищном переводе на американский английский”. Затем, получив по телефону благословение Висконти, Богард рискнул увидеться с незнакомкой. Он представлял Лириану смуглой, шумной и агрессивной, как “итальянские таксистки”, и был абсолютно не готов встретить застенчивую, тонкую, светловолосую женщину. Заговорив на вавилонской смеси английского, французского и итальянского, они тем не менее сразу нашли общий язык: “Я понял, что сыграть эту роль легче, чем стать беднягой Ашенбахом, хотя теперь мне надо было быть и повелителем, и рабом”. Богард принялся варварски сокращать сценарий, “пробираясь сквозь груды политики и прочего барахла к трогательной и очень необычной истории”. Однажды, к ужасу Лирианы, он умудрился сократить полстраницы диалога до одного слова “нет”. “Ночной портье” - это фильм о природе любви, в котором влюбленные, эсэсовец и еврейка - заключенная концлагеря, встречаются вновь после войны. Партнершей Богарда (офицера-портье Макса) стала Шарлотта Рэмплинг (вспомните картину с ее участием “Макс, моя любовь” Нагисы Осимы), которую он встретил на “Гибели богов” и был потрясен ее работой.

“Ночного портье” приветствовали французы, но совершенно не поняли в Америке, где даже дружелюбные критики называли его “мягкой порнушкой”. “Да чем же оскорбили мы нравственность? Ни одной пуговицы не расстегнули, шнурка не развязали” - удивился Богард. Он вспоминал, что в Нью-Йорке “обед на презентации устроили в каком-то дурацком стиле. Столы накрыли черной виниловой пленкой, на стулья навесили цепи, зажгли свечи, разложили спички в обертке из искусственной кожи с изображением сапог и хлыстов. Натуральная садо-мазохистская оргия. Боже милостивый...” Но особенно Богарда ошеломила реакция зрителей Восточного Берлина: снимали финальную сцену, где он появился на улице коммунистического квартала в форме офицера СС - в черном с серебром мундире, высокой фуражке с эмблемой - мертвой головой, с хлыстом в руках. И тысячная толпа зевала, ликуя, закричала: “Sieg Heil!”. “Увы, удовольствие им доставила не игра - мундир”, - горько отметал актер в своей книге “Вверх и вниз”.

Мария ТРОПИНИНА

Суббота. НТВ. 22.35. “Гибель богов”